

К. К. Арсеньев

Интеллигенция в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. К. Арсеньев**
Интеллигенция в России / К. К. Арсеньев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
276 с.

ISBN 978-5-518-00893-9

ISBN 978-5-518-00893-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какъ насъ хотять увѣрить, разрушили религіозные, государственные и національные устои и развратили интеллигентскую душу. Ихъ преемники подъ видомъ служенія общему дѣлу и человѣчеству и отрѣшенія отъ своихъ личныхъ интересовъ толкуются на площадяхъ и на улицахъ, яко-бы спасая народъ, когда у нихъ дома царила нищета и грязь. Никто не живетъ,—все дѣлають видъ, что дѣлають общественное дѣло (80).

Философія русской интеллигенціи чрезвычайно упрощена и сведена къ опредѣленной практической морали. Ради полной, „какихъ только блюдъ не подаютъ голодной русской интеллигенціи, и все она пріемлетъ, всѣмъ питается, въ надеждѣ, что будетъ побѣждено зло самодержавія и будетъ освобожденъ народъ“ (Бердяевъ, 16). Каждая философская система передѣлывается на свой ладъ и приспособляется къ опредѣленной цѣли. „Даже научный позитивизмъ былъ лишь орудіемъ для утвержденія царства соціальной справедливости и для окончательнаго истребленія тѣхъ метафизическихъ и религіозныхъ идей, на которыхъ, по догматическому предположенію интеллигенціи, покоится царство зла“. Наконецъ, даже самый экономическій матеріализмъ и марксизмъ былъ понятъ интеллигенціей превратно, былъ воспринятъ „субъективно“ и приспособленъ къ традиціонной психологіи интеллигенціи (Бердяевъ, 12—13).

И не смотря на то, что умонастроеніе нашей интеллигенціи можно было бы назвать морализмомъ, какъ объяснить, что эта самая интеллигенція способна была хотъ на мгновеніе опуститься до грабежей и животной разнузданности? Отчего политическія преступленія такъ незамѣтно сплелись съ уголовными и отчего „санинство“ и вульгаризованная „проблема пола“ какъ-то идейно сплелись съ революціонностью?

Поставивъ такой вопросъ, г. Франкъ не заботится о томъ, чтобы выяснить съ какимъ матеріаломъ онъ имѣетъ дѣло: имѣется ли основаніе считать всю интеллигенцію отвѣтственною за экспроприаторовъ, а санинское распутство приписывать извѣстной части „образованнаго“ общества, а не всему обществу или, правильнѣе, нѣкоторымъ

его членамъ? Г. Франкъ принимаетъ за безспорное, что русская интеллигенція in concreto отвѣтственна и за экспроприаціи, и за половое извращеніе и объясняетъ дѣло такъ. Кромѣ моральнаго разграниченія людей, поступковъ и состояній на хорошіе и дурныя, добрыя и злыя, русскій интеллигентъ не знаетъ никакихъ абсолютныхъ цѣнностей, онъ не допускаетъ, что, наряду съ добромъ, душѣ доступны еще идеалы истины, красоты, Божества, которые также могутъ волновать сердце и вести ихъ на подвиги. Напротивъ, кто любитъ истину или красоту, того подозрѣваютъ въ равнодушіи къ народному благу и осуждаютъ за забвеніе насущныхъ нуждъ, ради призрачныхъ интересовъ и забавъ роскоши; но кто любитъ Бога, того считаютъ, утверждаетъ г. Франкъ, прямымъ врагомъ народа. По мнѣнію г. Франка, тутъ обнаруживается противорѣчіе двухъ міросозерцаній, двухъ міроощущеній, непримиримая борьба религіознаго настроенія и *нигилизма*. Поэтому, *морализмъ* русской интеллигенціи есть лишь выраженіе и отраженіе ея *нигилизма*. *Нигилистическій морализмъ* есть основная и глубочайшая черта духовной фizioноміи русскаго интеллигента и высшая и единственная задача его—служеніе народу и аскетическая ненависть ко всему, что препятствуетъ или даже только не содѣйствуетъ осуществленію этой задачи. Поэтому и понятіе самоцѣнности культуры не имѣетъ мѣста въ умонастроеніи русскаго интеллигента; оно чуждо ему психологически и враждебно метафизически, а потому и борьба противъ культуры есть одна изъ характерныхъ чертъ типично-русскаго интеллигентскаго духа; культъ же *опрошенія* вовсе не толстовская идея, а нѣкоторое общее свойство интеллигентскаго умонастроенія, логически вытекающее изъ нигилистическаго морализма. Соединеніе нигилистическаго морализма съ противокультурной тенденціей и есть то, что носитъ названіе *народничества*. Последнее выступаетъ въ исторіи русскаго интеллигента въ двухъ формахъ: въ формѣ *непосредственнаго альтруистическаго служенія нуждамъ народа* и въ формѣ *религіи абсолютнаго осуществленія народнаго счастья*. Эта послѣдняя и есть *революціонный социа-*

лизмъ, сыгравшій неизмѣримо важную роль въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ русской общественной жизни (Франкъ).

Отвергая за исключеніемъ морали всѣ абсолютныя цѣнности, русская интеллигенція, естественно, еще менѣе признаетъ цѣнности относительныя и потому никогда не видѣла цѣнности въ правѣ и не уважала его, такъ что въ идейномъ развитіи нашей интеллигенціи не участвовала ни одна правовая идея. И теперь въ той совокупности идей, изъ которыхъ слагается міровоззрѣніе нашей интеллигенціи, идея права не играетъ никакой роли, „всякія же интеллигентскія попытки въ этомъ отношеніи потерпѣли полное крушеніе, потому что на одной этикѣ нельзя построить конкретныхъ общественныхъ формъ“. По скольку же русская интеллигенція обладаетъ правосознаніемъ, оно не поднимается выше стадіи, соотвѣтствующей формамъ полицейской государственности (Кистяковскій).

Далекая отъ западно-европейскихъ правовыхъ воззрѣній, русская интеллигенція, въ противоположность имъ, живетъ мечтою о Градѣ Божьемъ, о грядущемъ царствѣ правды и спасенія человѣчества—если не отъ грѣха, то отъ страданій. Такое настроеніе интеллигенціи, утверждаетъ г. Булгаковъ, коренится въ психологіи православія, которое оставило глубокой слѣдъ въ лучшихъ чертахъ интеллигенціи. А между тѣмъ, нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская, и со времени Бѣлинскаго атеизмъ сталъ первымъ членомъ символа вѣры нашего западничества. На мѣсто православія поставлена религія человѣкобожества и ея сущность—самообожаніе, которое воплощается въ *геронизмъ*. Спасителемъ Россіи можетъ и должна явиться героическая интеллигенція. Само собою разумѣется, что героическій интеллигентъ не довольствуется только ролью скромнаго работника, его мечта—спасеніе человѣчества или, по меньшей мѣрѣ, русскаго народа. Поэтому, и максимализмъ составляетъ неотъемлемую черту интеллигентскаго героизма, съ такою ясностью обнаружившагся во время русской революціи. Каждый герой имѣетъ свой способъ спасенія человѣчества, а потому неизбежно возникаетъ со-

перничество, недоступное доводамъ ни историческаго реализма, ни научнаго знанія. Съ максимализмомъ цѣлей связанъ и максимализмъ и неразборчивость средствъ, ихъ полный аморализмъ или по-просту нигилизмъ: своеволие, экспроприаторство, массовый терроръ,—все это духовныя потенціи, таящіяся въ психологій самообожанія. Понятія и чувства грѣха, его мучительной тяжести, всесторонности и глубины его вліянія на всю человѣческую жизнь, для русскаго интеллигента не существуетъ, равно какъ нѣтъ слова болѣе непопулярнаго въ интеллигентской средѣ, чѣмъ *смифеніе*, по свидѣтельству церкви, первой и основной христіанской добродѣтели.

Усвоивъ атеистическое міровоззрѣніе, русская интеллигенція заняла ложное положеніе и въ своемъ отношеніи къ народу, колеблясь между двумя крайностями—народопоклонническимъ и духовнымъ аристократизмомъ, преклоненіемъ, съ одной стороны, и высокомѣрнымъ отношеніемъ опекуна къ опекаемому,—съ другой. Вѣками русскій народъ находилъ въ монашеской кельѣ нравственную поддержку и поученіе. Теперь интеллигенція, соприкасаясь съ народомъ и разрушая народную религію, разлагаетъ и народную душу, сдвигаетъ ее съ ея неизблѣмыхъ доселѣ вѣковыхъ основаній. Своимъ просвѣтительствомъ интеллигенція пробуждаетъ въ народѣ дремавшіе инстинкты и возвращаетъ Россію къ хаотическому состоянію. „Таковы, заключаетъ свою характеристику С. Н. Булгаковъ, уроки послѣднихъ лѣтъ, мораль революціи въ народѣ“. „Въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи—ключъ къ пониманію пережитой нами революціи“, говоритъ П. Б. Струве. Не думайте, говоритъ онъ, что „религіозность или безрелигіозность интеллигенціи не имѣетъ отношенія къ политикѣ“. Не случайно, что русская интеллигенція, будучи безрелигіозной, въ то же время была мечтательна, недѣловита, легкомысленна въ политикѣ. Такое противорѣчіе свойственно всякому окрашенному материализмомъ и позитивизмомъ радикализму. Только религіозный радикализмъ могъ сгладить такое противорѣчіе путемъ воспитанія чловѣка и сознанія долга отвѣтственности.

Поэтому, интеллигентская идеология, просачиваясь въ народную среду, въ исторической дѣйствительности превращалась въ разнузданіе и деморализацію, и народныя массы вступали въ революціонный кризисъ ХХ вѣка, подобно тому какъ и въ XVII и XVIII вѣкахъ, „своими социальными страданіями и стихійно выросшими изъ нихъ социальными требованіями, своими инстинктами, аппетитами и ненавистями“. Поэтому, не въ томъ бѣда, что плохо дѣлали революцію, а въ томъ, что ее вообще дѣлали, дѣлали въ то время, когда, по мнѣнію П. Б. Струве, вся задача состояла въ томъ, чтобы всѣ усилія сосредоточить на политическомъ воспитаніи и самовоспитаніи. Недугъ интеллигенціи заложенъ глубоко, и ей необходимо пересмотрѣть все свое міросозерцаніе и подвергнуть коренному пересмотру его главный устой—соціалистическое отрицаніе личной отвѣтственности. Тогда и политика займетъ подобающее ей мѣсто и изъ всеобъемлющей цѣли, изъ альфы и омеги всего интеллигентскаго и народнаго бытія сведется къ ограниченному средству—устроенію жизни (Струве).

Таковъ духовный образъ русской интеллигенціи въ изображеніи сборника „Вѣхи“. Не смотря на всю яркость и густоту красокъ, которыхъ не пожалѣли авторы „Вѣхъ“ для изображенія интеллигенціи, можно ли съ увѣренностью сказать, что разумѣютъ они подъ названіемъ русской интеллигенціи? Каждый авторъ выдвигаетъ одну опредѣленную черту, которую считаетъ наиболѣе характеризующей русскаго интеллигента, но эта черта, составляя принадлежность однихъ, безусловно отсутствуетъ у другихъ. Иногда черты, отмѣченныя однимъ авторомъ исключаютъ возможность другихъ, подмѣченныхъ другимъ авторомъ. По Булгакову, интеллигенціей возведенъ въ культъ героизмъ, а по Гершензону въ культъ возведена интеллигенціей „жизнь проказливой собаки“. Повидимому, только одна общая черта признается всѣми авторами—безрелигіозность, но опредѣлить именно по этой чертѣ, кого разумѣютъ „Вѣхи“ подъ интеллигенціей невозможно, потому что безрелигіозность захва-

тываетъ и такіе круги русскаго общества, которыхъ, конечно, авторы „Вѣхъ“ не имѣли въ виду. Перебирая всѣ слои, такъ или иначе, прикосновенные къ просвѣщенію, въ ихъ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, мы можемъ каждый слой съ одинаковымъ правомъ включить въ составъ интеллигенціи и исключить изъ него, такъ какъ каждому слою принадлежитъ своя доля вліянія на духовную жизнь народа и въ то же время каждый слой имѣетъ свою особую жизнь. Неясность термина и мысли авторовъ сказались тотчасъ, когда коснулись конкретныхъ случаевъ. По мнѣнію г. Струве, Бакунинъ, Бѣлинскій и Чернышевскій несомнѣнные интеллигенты, тогда какъ Новиковъ, Радищевъ и Чаадаевъ будто бы столь же несомнѣнно неинтеллигенты. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и Чеховъ „не носятъ интеллигентскаго лика“ равно какъ и Вл. Соловьевъ; Герценъ „вѣчно борется въ себѣ съ интеллигентскимъ ликомъ“, точно также какъ и загадочный ликъ Глѣба Успенскаго „прикрытъ какими-то интеллигентскими масками“.

Если для Новикова, Радищева и Чаадаева имѣется хотя и туманный признакъ „упоенныхъ Богомъ людей“, то всѣ остальные, до борющихся со своими ликами включительно, распределены между овцами и козлицами, кажется, безъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ всѣ эти лица одинаково принадлежатъ къ классу русскихъ писателей и по мѣрѣ своихъ силъ и своего таланта дѣлали одно и то-же великое дѣло, вносили свѣтъ сознанія въ умственную сокровищницу своего народа. Почему-же великій подвижникъ русской литературы Бѣлинскій, которому по свидѣтельству И. С. Аксакова цѣлое поколѣніе обязано своимъ духовнымъ подъемомъ, Бѣлинскій, освѣтившій Россіи все значеніе Пушкина и первый объяснившій смыслъ твореній Гоголя, почему Бѣлинскій признаетъ теперь отцомъ того направленія, которое растлѣваетъ душу русскаго народа? Почему Герценъ и Глѣбъ Успенскій, каждый по своему выстрадавшие свое право на благодарность и уваженіе своего народа, берутся подъ подозрѣніе? Г. Франкъ удивляется, что авторамъ „Вѣхъ“ приходится уличать аполо-

готовъ радикализма, выступающихъ на защиту традицій и старыхъ, но дорогихъ вѣрованій. Онъ находитъ, что такой консерватизмъ имѣетъ свои границы, отступающія передъ голосомъ правды, и если, по словамъ блаженнаго Августина, говорить правду значить безчинствовать, то они, авторы „Вѣхъ“, готовы безчинствовать. Чтобы быть полезнымъ своей странѣ, продолжаетъ г. Франкъ, отвѣчая критикамъ „Вѣхъ“, надо ясно видѣть ее, ибо время слѣпыхъ влюбленностей, по словамъ Чаадаева, прошло, настало время, когда каждый обязанъ родинѣ истинной. Если старые боги оказались идолами, нечего жалѣть ихъ.

Едва ли авторамъ „Вѣхъ“ нужно грозить безчинствомъ во славу блаженнаго Августина и прикрываться Чаадаевской правдой. Русское общество давно привыкло къ безчинству во всѣхъ сферахъ его жизни, такъ что, пожалуй, и не разберетъ во имя ли правды, или неуваженія къ ней „Вѣхи“ грозятъ безчинствомъ. Русское общество привыкло и къ самобичеванію, и къ самоотреченію и его не удивишь отказомъ не только отъ „самоѣдскихъ привычекъ и зловонія прогорклаго масла“, но и отъ привычекъ высшей культуры и благъ гражданской и политической свободы. Мало-ли чего мы не сожигали, чему еще вчера поклонялись, мало-ли какихъ святыхъ мы не провозглашали сегодня только для того, чтобы завтра отречься отъ нихъ и топтать въ грязь! Отъ такой судьбы не ушелъ даже Пушкинъ, теперь очередь за Бѣлинскимъ и Герценомъ. Еще вчера мы были западниками, сегодня стали славянофилами; вчера спасались наукою, сегодня ищемъ спасенія въ лонѣ православной церкви. Мы такъ непринужденно переживаемъ всѣ эти метаморфозы, что г. Гершензону уже мерещится, какъ та самая интеллигенція, которая устраивала въ свое время забастовки и даже бунты, теперь ищетъ спасенія отъ народной ярости подъ защитой штыковъ и тюремъ.

Напрасно авторы „Вѣхъ“ думаютъ, что ихъ оппоненты не хотятъ ихъ понять и видятъ обвиненіе тамъ, гдѣ имѣется только борьба идей. Но г. Франкъ упускаетъ изъ виду, что „интеллигенція“ не только идея, но и социальное явленіе, не только социальное явленіе, но и часть живого об-

щества, при томъ часть, которую самъ г. Франкъ, характеризуетъ какъ язву, которую надо обожить, чтобы избавиться отъ нея. Вспомнимъ, что подъ терминомъ интеллигенціи скрывается нѣчто весьма неопредѣленное и что поэтому каждый грамотный человѣкъ въ качествѣ интеллигента несетъ на себѣ моральную *отвѣтственность* за все то, что авторы „Вѣхъ“ объявляютъ общественной язвой. Гдѣ же тутъ борьба идей, когда васъ провозглашаютъ нравственно прокаженнымъ? Умѣстно ли говорить о борьбѣ идей тамъ, гдѣ вамъ предлагаютъ смиреніе, покаяніе и отреченіе отъ своихъ заблужденій? Скорѣе это проповѣдь, но не лучше-ли тогда предоставить это дѣло церкви?

Мы ведемъ бесѣду не о Царствіи Божіемъ, не о спасеніи души, не о смиреніи и покаяніи, которыя красной нитью проходятъ черезъ всю нашу многовѣковую и многострадальную исторію, а о смыслѣ, значеніи и, если возможно, разрѣшеніи глубоко важнаго и глубоко тревожнаго вопроса русской общественности, о судьбѣ образованной части русскаго народа, т. е. о судьбѣ самого народа.

Если авторы „Вѣхъ“ дѣйствительно желали подвергнуть изслѣдованію одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей общественности, то надо сознаться, что они не сумѣли этого сдѣлать, не сумѣли ни выбрать момента, ни отрѣшиться отъ всего, что носитъ характеръ обвиненій, ни вспомнить условія, независящія отъ интеллигенціи, но ее коверкающія, словомъ, не сумѣли сохранить независимости отъ своихъ личныхъ пристрастій и предубѣжденій.

Справедливость этихъ соображеній подтверждается полемикой, возникшей немедленно по появленіи „Вѣхъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, за рѣдкими исключеніями, „Вѣхи“ вызвали отрицательное къ себѣ отношеніе въ прогрессивной печати и положительное, не безъ примѣси злорадства, въ реакціонной. Изъ прогрессивныхъ газетъ только „Слово“ открыло свои страницы въ защиту „Вѣхъ“, зато въ журналѣ самого П. В. Струве—въ Русской Мысли—появилась статья А. А. Кизеветтера, лучшая статья, подвергшая мягкой, но рѣшительной критикѣ какъ діагнозъ, поставленный авторами „Вѣхъ“, такъ и средства, предложенныя ими для спасе-

нія Россіи. Не лишена интереса литература сочувственная „Вѣхамъ“, но она немногочисленна. По справедливости, исключительное мѣсто здѣсь принадлежитъ Архіепископу Антонію Волынскому, напечатавшему въ Словѣ „Открытое письмо авторамъ сборника „Вѣхи“. Архіепископъ Антоній нѣсколько ночей провелъ за чтеніемъ „Вѣхъ“ и испытывалъ въ своей душѣ праздникъ, потому что, потерявъ вѣру въ современное общество, вновь обрѣлъ ее, читая (въ „Вѣхахъ“) слова любви, правды, состраданія и вѣры въ людей, въ наше общество. Онъ допускалъ еще „возможность нравственно отрезвить отдѣльнаго человѣка, но когда въ упорномъ заблужденіи соединилось большинство общества и объявило зло добромъ, а добро глупостью, то итти противъ нихъ, хотя бы со словомъ самаго искренняго доброжелательства,—это подвигъ. Такой подвигъ приняли на себя авторы „Вѣхъ“. Они обратились къ обществу съ призывомъ покаянія, съ призывомъ вѣрить, съ призывомъ къ труду и наукѣ, къ соединенію съ народомъ, къ завѣщаніямъ Достоевскаго и славянофидовъ“. Архіепископъ восхищается „суворовской храбростью“ и „восторженнымъ мужествомъ“, съ которыми авторы „Вѣхъ“, подобно увѣровавшему Савлу, обращаются къ своимъ братьямъ по бывшему ложному увлеченію“. Далѣе онъ выражаетъ свою радость по поводу того, что книга раскупается: „она возбуждаетъ блѣдный страхъ среди упорныхъ поборниковъ нигилизма, но искреннихъ между ними заставляеть съ радостнымъ трепетомъ возвращаться къ разумной и праведной жизни“.

Однако Архіепископъ Антоній предвидитъ и терніи, которыя встрѣтятъ на своемъ пути новые Савлы: „вы пошли на правое дѣло безъ расчета, не подумавъ о томъ сколько нравственныхъ заушеній придется вамъ принять за правду“. „Вы знали, считаетъ нужнымъ утѣшить архипастырь, что, если и не поймутъ васъ на землѣ люди, то будутъ привѣтствовать съ неба ангелы“. Но такъ какъ авторы „Вѣхъ“ имѣли въ виду не столько небо, сколько землю, то Архіепископъ „безъ смущенія свидѣтельствуеть“ авторамъ „Вѣхъ“, что онъ всецѣло на ихъ сторонѣ, что ихъ высокій духовный подъемъ заставитъ его взглянуть болѣе примири-

тельнымъ взоромъ „на жизнь нашего ренегатскаго отъ народа и родины общества и не считать его окончательно погибшимъ для царствія Божія“.

Мы привели пространныя выписки изъ письма одного изъ самыхъ видныхъ іерарховъ православной церкви, чтобы читатель самъ могъ оцѣнить, что именно въ „Вѣхахъ“ наиболѣе цѣнно въ глазахъ просвѣщеннаго архипастыря воинствующаго клира и близкихъ ему по духу круговъ общества. Къ церковнымъ громамъ, къ изувѣрскимъ листкамъ Почаевской Лавры и изступленному бреду монаха Иліодора воинствующему архипастырю желательно прибавить междоусобіе въ самыхъ рядахъ интеллигенціи и, восхваляя „суворовскую храбрость“ своихъ новыхъ воображаемыхъ союзниковъ, „новыхъ Савловъ“, чтобы отрѣзать имъ отступленіе, онъ напоминаетъ, что они сами только что сожгли боговъ, которымъ до сего поклонялись. Архіепископъ Антоній отлично знаетъ, что для проповѣди смиренія, покаянія и христіанскаго подвига не требуется суворовская храбрость, но что она весьма можетъ быть полезна, когда дѣло идетъ о непримиримой борьбѣ старыхъ завѣтовъ церкви и государства съ духомъ новаго времени, съ свободой совѣсти, съ свободой гражданской и политической.

Это письмо архіепископа Антонія не осталось безъ отвѣта, но отвѣты гг. Струве и Бердяева еще болѣе увеличили недоумѣніе, вызванное „Вѣхами“, такъ какъ ни г. Струве, ни г. Бердяевъ не нашли нужнымъ оцѣнить сочувствіе своего корреспондента съ политической точки зрѣнія.

Можно пожалѣть, что авторы „Вѣхъ“, повторяя изданіе своего сборника, оставили безъ отвѣта всѣ возраженія, которыя были имъ сдѣланы. Если на нѣкоторыя изъ этихъ возраженій трудно было отвѣчать вслѣдствіе ихъ слишкомъ личнаго характера, то вѣдь были и возраженія совершенно объективныя, имѣвшія въ виду интересъ вопроса—и только: напр., возраженія А. А. Кизеветтера, г. Лурье и кн. Шаховскаго.

Во всякомъ случаѣ, въ „Вѣхахъ“ затронуты вопросы огромной важности и уклоненіе отъ ихъ рѣшенія тѣмъ болѣе невозможно, что общественное мнѣніе несомнѣнно за-